

А.Л. Гуринская

Механизмы предупреждения преступлений в Великобритании: судебные предписания о прекращении антиобщественного поведения

В статье рассматриваются судебные предписания (приказы) о прекращении антиобщественного поведения. Их задачей было предупреждение дальнейшего антиобщественного поведения (в том числе преступного) со стороны лиц, которые оценивались судом как потенциально опасные для общества. В последующие годы приказы были дополнены такими мерами, как судебные запреты, а содержащееся в них понятие антиобщественного поведения стало еще менее определенным, чем при первоначальном правовом регулировании.

Ключевые слова: предупреждение преступности; антиобщественное поведение; Великобритания; уголовная политика.

Эффективное предупреждение преступности в последние десятилетия становится основной задачей уголовной политики во многих странах мира. Сама идея о необходимости не только реагирования на уже свершившиеся деяния с помощью уголовно-правовых мер и системы уголовной юстиции, но и о предупреждении преступности не является новой — она восходит еще к идеям классической школы криминологии. Но предупреждение на современном этапе обладает рядом отличительных характеристик. Во-первых, момент начала предупредительных действий все сильнее сдвигается во времени — речь идет не только о пресечении начавшихся правонарушений, но об искоренении в зародыше любых причин и факторов, которые могут вести к совершению преступлений, любых проявлений беспорядка и девиантности. Во-вторых, в фокусе предупредительных мер находится не общество с его проблемами, а индивид как один из основных объектов, на которые направлены предупредительные меры. В-третьих, применение этих мер все чаще связано с осуществлением принуждений и ограничений прав индивида: лица, представляющие потенциальный риск для общества, идентифицируются

и ставятся под контроль с помощью различных механизмов развитого превентивного аппарата. В настоящей работе мы рассмотрим один из таких механизмов — приказы и запреты, направленные на минимизацию антисоциального поведения, которые приняты законодательством Великобритании. Сходные институты недавно появились в российском праве в связи с принятием Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ [1]. Анализ зарубежного опыта, как представляется, может быть полезен для оценки отечественного правового регулирования и поиска путей его совершенствования.

Судебный приказ о прекращении антисоциального поведения (*Anti-Social Behavior Order* — далее приказ или *ASBO*) — мера, впервые появившаяся в Великобритании в законе «О преступлениях и беспорядках» 1998 г. (*Crime and Disorder Act*) [2]. Действие норм данного закона распространялось на территории Англии и Уэльса, однако и в Шотландии правовое регулирование было схожим. Приказ как мера, призванная бороться с преступлениями на самой ранней стадии, то есть еще до того, как мотив на их совершение возникнет в голове правонарушителя, была инициирована правительством новых лейбористов. Недавно пришедшая к власти партия была вдохновлена идеологией мер ранней интервенции, нашедших обоснование в работе Уилсона и Келлинга «Разбитые окна» [16] и успешно реализующихся в США под лозунгом «нулевой терпимости» к правонарушениям. Несмотря на то что причинно-следственная связь между незначительными правонарушениями, нарушением общественного порядка и преступностью не была подтверждена эмпирическими исследованиями, Министерство внутренних дел Соединенного Королевства решило взять на вооружение этот подход без учета разницы в культурном контексте между США и Великобританией [14: с. 36–37].

Еще до момента вступления в силу новое законодательство подверглось жесткой критике со стороны специалистов по уголовному праву [5]. В дальнейшем эта мера была предметом детального анализа, часто сопровождавшегося разгромной критикой со стороны юристов, социологов и политологов [7; 8; 9; 13; 15]. Однако, несмотря на отсутствие поддержки данной меры со стороны академического сообщества, а также невзирая на изменение правительственного курса после прихода к власти коалиционного правительства в 2010 г., жесткая политика реагирования на любые проявления антисоциального поведения была продолжена, а точнее, усилена, хоть и в несколько модифицированном, по сравнению с первоначальным, виде.

Изначально приказы предназначались для регулирования антиобщественного поведения лиц старше 10 лет, причиняющих беспокойство гражданам, которые не проживали с ними совместно [2]. Право вынесения такого приказа было предоставлено судье мирового суда, который принимал решение на основании заявления, поданного представителем органов местной власти, сотрудником полиции либо наймодателем социального жилья. Вынесение приказа было возможно только в том случае, если имелись основания полагать,

что без такого предписания антиобщественные действия будут продолжены. Срок действия приказа определялся в каждом случае индивидуально, но должен был составлять не менее двух лет. Также он мог выноситься и бессрочно, т. е. до следующего приказа. Отмена приказа до истечения двухлетнего срока была возможна только по взаимному согласию сторон. Приказ содержал перечень тех действий, которые отныне субъекту запрещалось совершать. К их числу могли относиться как сами по себе антиобщественные действия (например, появление в нетрезвом виде в общественном месте, агрессивное поведение, оскорбления), так и нейтральные, но которые потенциально могли привести к совершению антиобщественных действий (например, появление на определенных станциях метрополитена или проживание в каком-либо районе). Одной из основных особенностей приказов было то, что выносились они в порядке гражданского судопроизводства, но в случае нарушения запрета, содержащегося в приказе, наступала уже уголовная ответственность. Причем максимальный срок наказания за данное преступление, установленный п. 10 ч. 1 Закона [2], мог составлять до 5 лет лишения свободы.

В намерения законодателя при принятии закона входило направить новую меру на индивидов, которые постоянно совершают преступления, правонарушения или иные антиобщественные поступки, формально не влекущие ответственности на определенной территории. Помимо выполнения превентивной функции приказ позволил бы увеличить срок наказания в том случае, если максимальное наказание за единичное совершенное правонарушение не соответствовало бы степени вреда, который наносило именно повторяющееся совершение таких деяний. То есть прежде всего предполагалось, что приказы будут противостоять не только единичным фактам нарушения порядка и закона, а именно систематическим нарушениям. Такие нарушения обладали уже неким иным качеством, чем просто сумма отдельных антиобщественных деяний, причиняли более серьезное беспокойство, что и требовало нового регулирования [12].

С 2002 г. на основании закона «О реформе полиции» аналогичная мера была введена для осужденных (*Anti-Social Behavior Order on Conviction*, далее *CrASBO*) [3: секция 63]. *CrASBO* выносились судом одновременно с вынесением приговора или при решении вопроса об условном освобождении на тех же основаниях, что и в отношении других лиц. В 2003 г. в закон «О преступлениях и беспорядке» были внесены изменения, дополняющие *ASBO* еще одной новой мерой — судебным запретом осуществлять антиобщественные действия (*Anti-Social Behavior Injunction* — далее, запрет или *ASBI*), который выносился судом графства. Запрет отличался от приказа основанием вынесения (понятие антиобщественного поведения было сформулировано гораздо уже) и содержанием запрета (он напрямую запрещал повторять именно те действия, которые послужили основанием для его вынесения, а не воздерживаться от совершения гораздо более широкого круга действий, определенных приказом) [10: с. 262]. Предназначен он был для контроля за поведением нанимателей жилых помещений и их гостей. Кроме того, он в явной форме

не преследовал превентивную функцию, а был лишь способом реакции властей на прошлое поведение лица. Нарушение запрета, в отличие от приказа, не образовывало состав преступления, а считалось правонарушением — неповиновением суду. Наконец, они отличались по механизму действия: запрет был призван удерживать от совершения антиобщественных действий, а приказ — делать индивида неспособным их совершить [10: с. 264].

Законом 2014 г. «Об антиобщественном поведении, преступности и полицейской деятельности», вступившим в силу с марта 2015 г. [4], все перечисленные выше меры были заменены на запреты, направленные на предупреждение неудобств и беспокойства (*Injunction to Prevent Nuisance and Annoyance* — далее запрет 2014 г. или *IPNA*), и приказы о преступном поведении (*Criminal Behavior Order* — далее приказ 2014 или *CBO*). *IPNA* представляет собой полностью гражданско-правовую меру, но сочетающую в себе различные признаки *ASBO* и *ASBI*. *CBO* также мало отличается от своего предшественника — *CrASBO*, за его нарушение следует уголовная ответственность (для несовершеннолетних — до 6 месяцев лишения свободы, для лиц старше 18 лет — до 5 лет). Как *IPNA*, так и *CBO* теперь могут содержать не только запреты, но и предписания выполнять определенные действия, что усиливает их превентивные возможности. Кроме того, при вынесении данных мер суду не нужно доказывать абсолютную необходимость их введения для предупреждения последующего антиобщественного поведения; достаточно того, что суд считает, что они будут полезны. Принципиальным отличием нового законодательства от старого является также то, что действие запрета, в отличие от приказа, ограничено тем временем, когда индивид не работает и не посещает образовательное учреждение (если это представлялось суду возможным) [4: пп. «а» п. 5 раздела 1]. Также закон устанавливает новые требования относительно срока действия запрета: теперь он не бессрочен, а в отношении несовершеннолетних его предельный срок составляет не более 1 года. Кроме того, суд вправе указать срок действия запрета или предписания в отношении определенных перечисленных действий [4: п. 7 раздела 1].

Рассмотрим, каким образом в перечисленных выше нормативно-правовых актах определяется антиобщественное поведение. Согласно закону 1998 г., это такое поведение, которое причинило или с вероятностью могло причинить беспокойство, тревогу или душевные переживания (*harassment, alarm or distress*) как минимум одному человеку, который не проживает совместно с субъектом, в отношении которого выносится предписание. Поведение означает совершение определенных действий, однако их круг в законе совершенно не определен. Это могут быть как действия, ответственность за которые предусмотрена нормами гражданского или уголовного законодательства, так и любые другие, даже формально правомерные действия. В законе нет указания на то, что осуждаемое поведение должно быть связано с агрессией и насилием или же с оскорблениями других лиц. Кроме того, закон прямо не требует, чтобы действия были совершены неоднократно, но у суда должны быть основания полагать,

что они с высокой степенью вероятности могут повториться в будущем. В противном случае основания для вынесения приказа не будет [13: с. 19].

Важно, что такие действия вызывали или могли вызвать у граждан состояние беспокойства. Словосочетание «беспокойство, тревога или душевные переживания» не было новым для закона 1998 г. Ранее оно уже было использовано при установлении ответственности за сексуальные домогательства. Но ни в одном нормативно-правовом акте точное содержание этих понятий не раскрывалось. В одном из решений (по делу *Jones*) суд разъяснил их специфику и указал, что они отличаются от таких чувств, как фрустрация, разочарование, гнев или раздражение. Содержание формулировок этого прецедента дало возможность Рэмзи сделать вывод, что поведение индивида должно вызывать у граждан опасение за свою безопасность, именно в таком случае вынесение предписания будет оправданным [13: с. 18]. Интересно, что закон ничего не говорит о степени серьезности переживаний жертв и о связанности этих переживаний со степенью серьезности угрозы, которую представляет нарушитель. Собственно, закон вообще не говорит о том, что его действия обязательно должны были вызвать тревогу у граждан. Достаточно гипотетической возможности того, что эта тревога могла возникнуть [13: с. 22]. В решении по делу *Potter* суд счел, что достаточно того, что вероятность возникновения страха у наиболее чувствительного потенциального свидетеля событий была выше, чем вероятность отсутствия у него страха [13: с. 22]. Требований о том, что этот потенциальный индивид должен иметь разумный порог чувствительности, в законе не содержится. Таким образом, минимальной предпосылкой для вынесения предписания является гипотетическое беспокойство, которое могло быть причинено даже изначально тревожному человеку. Такой субъективный подход к оценке деяния свидетельствует о том, что не оно само в первую очередь интересует судью, а поступок как отражение особенностей личности субъекта, его установок и ценностных ориентаций. Интересно, что в ряде случаев основанием для предписания были даже не факты совершения конкретных действий, которые воспринимались кем-либо как устрашающие, а просто сам факт принадлежности индивида к определенной социальной группе [10: с. 260]. Суд использовал логику кумулятивного эффекта от поведения всех или большинства представителей данной группы в определенном районе. Так, в деле *Potter* заявитель утверждала, что она, хоть и будучи проституткой, не совершала тех действий, которые могли бы вызвать страх у жителей. Суд же счел, что с точки зрения здравого смысла достаточно того, что действия вместе взятых проституток могли причинить беспокойство проживающим в районе гражданам [10: с. 260].

Закон 2014 г. несколько модифицировал понятие антиобщественного поведения, разделив его на две основные категории. Первый тип антиобщественного поведения — это такие же действия, как и те, что указаны в законе 1998 г., но причинившие или же обладающие потенциалом причинить беспокойство, тревогу или переживания любому лицу (в том числе и кому-то, кто проживает

совместно с правонарушителем). Второй тип — поведение, связанное с поведением в жилом помещении. К этому типу предъявляются менее серьезные требования в отношении степени причиняемого беспокойства — достаточно, чтобы оно причинило неудобство или вызвало раздражение (*nuisance or annoyance*) у любого лица, которое находится в жилище. Гипотетический характер опасности, исходящей от индивида, подвергается более расширенной трактовке в новом законодательстве. Так, по закону 2014 г. для вынесения запрета не нужно уже даже самого факта совершения каких-либо антиобщественных действий в прошлом, достаточно того, чтобы существовала угроза вовлечения индивида в антиобщественное поведение [4: п. 2 раздела 2; 10: с. 262].

Закон 1998 г., как и закон 2014 г., ничего не говорит о форме вины правонарушителя — должен ли он намеренно угрожать другим людям, или его поведение может носить неосторожный характер. По всей видимости, он должен ярко выражено демонстрировать или безразличие и пренебрежение чувствами других людей, или же именно желание напугать их — демонстрировать враждебность. Таким образом, как указывает Рэмзи, минимальное содержание понятия антиобщественного поведения, служащее основанием для внесения предписания, — это такое поведение, в котором проявляется стойкая установка безразличия или презрения, отсутствия уважения к чувству безопасности окружающих [13: с. 25]. При этом на основании закона 1998 г. суд должен был установить, что действия лица не имеют разумного оправдания. То есть субъект предписания рассматривался авторами закона как лицо неразумное, а его действия, повлекшие чувство страха у окружающих, как бессмысленные, лишённые полезности. При этом не вполне понятно, кто должен был определять разумность тех или иных действий, и какими критериями надлежало при этом руководствоваться. Рэмзи пишет, что такая разумность — предмет «политической» оценки: действия неразумны, если они противоречат сформулированным целям публичной политики [13: с. 32–33]. По сути, как указывает этот исследователь, основанием ответственности является не само по себе антиобщественное поведение, а это поведение как свидетельство невыполнения обязанности вести себя цивилизованно: проявлять уважение к чужим чувствам, демонстрируя отсутствие опасности со своей стороны [13: с. 28]. По новому закону требование об оценке разумности действий индивида отсутствует.

Только лишь совершения антиобщественных действий, которые оцениваются как могущие вызвать страх у других граждан, по закону 1998 г. было недостаточно для вынесения приказа. Важным элементом являлась оценка того, могут ли такие действия повториться в будущем в отсутствие приказа. Ведь прямая его цель — предупреждение аналогичных действий, защита неопределенного круга лиц от дальнейших антиобщественных действий субъекта [2: пп. «b» п. 1 раздела 1]. Приказ должен выноситься лишь в том случае, если он абсолютно необходим для достижения этих целей. Оценивая степень этой необходимости, суд мог принимать во внимание социально-экономический статус индивида, его семейное положение, наличие фактов судимости

или привлечения к иным мерам ответственности. Также суд должен был сделать вывод о том, что антиобщественное поведение субъекта носило или может носить повторяющийся характер. Приказ не являлся мерой ответственности, поэтому только лишь факта недостойного прошлого поведения недостаточно. Нужно было установить, что субъект имеет стойкую антиобщественную установку и взгляды, что он не раскаивается и намерен продолжать причинять сильное беспокойство окружающим. В том случае, если индивид докажет суду, что даже повторяющееся антиобщественное поведение было для него скорее исключением, что его взгляды поменялись, что он готов загладить свой вред, оснований для вынесения приказа не будет [13: с. 25]. Здесь мы опять видим, что характеристика личности субъекта, а не его прошлых действий, выходит на передний план. Основанием для приказа являлась не степень опасности действий индивида, а особенности его личности — антиобщественные взгляды и установки, пренебрежительное отношение к чувствам окружающих и т. д. Как было указано ранее, по новому законодательству суд уже не обязан обосновывать вынесение запрета, ссылаясь на его необходимость. Достаточно, чтобы эта мера представлялась суду справедливой и удобной для цели предупреждения вовлечения индивида в антисоциальное поведение [4: п. 3 раздела 1]. Таким образом, подлежащая доказыванию степень вероятности антиобщественного поведения по новому закону гораздо ниже, чем по-старому. Более того, суду теперь не нужно оценивать, насколько прошлое поведение индивида было злостным, этот факт вообще может быть иррелевантен. Достаточно лишь оценить, что существует угроза вовлечения лица в антисоциальное поведение, т. е. совершение им таких действий, которые потенциально способны причинить неудобство окружающим или вызвать у них страх за свою безопасность.

При этом в отношении большинства фактов, которые должен был оценить суд в ходе процедуры о вынесении приказа или запрета (по новому закону), использовалась процедура доказывания, свойственная гражданскому процессу. То есть доказательства надо было оценить с точки зрения баланса вероятностей (*on the balance of probabilities*). Изначально по закону 1998 г. суд мог выносить решение даже в том случае, если факт совершения субъектом антиобщественных действий подтверждался с помощью косвенных доказательств, например, слухов. Лишь к 2003 г. появился прецедент (решение по делу *McCann*), ужесточающий правила доказывания — факт антиобщественного поведения необходимо было доказать в объеме, исключающем обоснованные сомнения [6: с. 77]. Применительно к факту совершения субъектом тех или иных действий эти правила были понятны. Однако применительно к доказыванию того, что эти действия потенциально могли вызвать страх у какого-либо субъекта, какая-либо процедура или четкие критерии отсутствовали. Этот фактор подлежал лишь субъективной оценке. Аналогичным образом, было не вполне ясно, как следует доказывать вероятность повторения таких действий и какой должна быть степень этой вероятности. Поэтому антиобщественная установка субъекта оценивалась не применительно к его прошлым действиям, а применительно

к будущему поведению [13: с. 26]. Таким образом, как свидетельствует анализ положений закона, ключевым для доказывания являлось не прошлое поведение, которое в реальности могло и не причинить кому бы то ни было неудобств, а именно суждение о характеристике личности субъекта как потенциально опасной для общества, способной нанести ущерб качеству отношений между людьми [13: с. 31]. Суд должен был оценить потенциальные риски и действовать на основании этой оценки. По новому закону процедура вынесения запрета полностью гражданско-процессуальная — доказывание в объеме, исключающем обоснованные сомнения, более не требуется. Уголовно-процессуальный стандарт доказывания требуется лишь в отношении факта нарушения запрета или неисполнения предписания, который влечет ответственность до 2 лет лишения свободы для взрослых и до 3 месяцев для несовершеннолетних в возрасте от 14 до 17 лет. Данная ответственность считается при этом гражданско-правовой мерой [11].

Таким образом, ключевыми особенностями приказов и запретов является, во-первых, их нацеленность на предотвращение будущих событий, во-вторых, неопределенность понятия антиобщественного поведения, которое они призваны предупреждать, в-третьих, при решении вопроса о вынесении запретов и предписаний, приоритет отдается оценке личности, а не оценке ее деяния, в-четвертых, гражданско-правовой стандарт доказывания при существенном вмешательстве в автономию индивида, и, наконец, принятие решения на основе лишь субъективной оценки судом вероятности степени риска, который исходит от определенного индивида. В целом следует отметить, что данные меры явно воплощают основные отличительные черты современных подходов к предупреждению безопасности — нацеленность на минимизацию любой потенциальной опасности (при отсутствии четких критериев идентификации такой опасности) и взгляд в будущее. Таким образом, приказы и запреты, направленные на предупреждение антисоциального поведения, можно рассматривать как флагман и символ уголовной политики в современном обществе риска.

Литература

1. Федеральный закон «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ // Российская газета. 2016. 28 июня.
2. Crime and Disorder Act 1998. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/37/pdfs/ukpga_19980037_en.pdf (дата обращения: 17.11.2016).
3. Police Reform Act 2002. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/30/pdfs/ukpga_20020030_en.pdf (дата обращения: 17.11.2016).
4. Anti-Social Behavior, Crime and Policing Act 2014. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2014/12/pdfs/ukpga_20140012_en.pdf (дата обращения: 17.11.2016).
5. Ashworth A. et al. Neighbouring on the oppressive // CRIMINAL JUSTICE-LONDON. 1998. Т. 16. С. 7–14.
6. Ashworth A., Zedner L. Preventive justice. OUP Oxford, 2014. 306 с.
7. Burney E. Making people behave: Anti-social behaviour, politics and policy. Routledge, 2009. 256 с.

8. *Crawford A.* Dispersal Powers and the Symbolic Role of Anti-Social Behaviour Legislation // *The Modern law review.* 2008. Т. 71. № 5. С. 753–784.

9. *Donoghue J.* Anti-Social Behaviour Orders: a culture of control? Palgrave Macmillan, 2010. 180 с.

10. *Edwards P.* New ASBOs for old? // *The Journal of Criminal Law.* 2015. Т. 79. №. 4. С. 257–269.

11. Home Office. Anti-social Behaviour, Crime and Policing Act 2014: reform of anti-social behaviour powers: statutory guidance for frontline professionals. London, Home Office), 2014. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/352562/ASB_Guidance_v8_July2014_final__2_.pdf (дата обращения: 17.11.2016).

12. *Macdonald S.* A Suicidal Woman, Roaming Pigs and a Noisy Trampolinist: Refining the ASBO's Definition of 'Anti-Social Behaviour' // *The Modern Law Review.* 2006. Т. 69. № 2. С. 183–213.

13. *Ramsay P.* The insecurity state: vulnerable autonomy and the right to security in the criminal law. Oxford University Press, 2012. 280 с.

14. *Roberts P.* Penal offence in question: Some reference points for interdisciplinary conversation // *Incivilities: Regulating offensive behaviour.* 2006. С. 1–56.

15. *Squires P.* ASBO nation: The criminalisation of nuisance. Policy Press, 2008. 383 с.

16. *Wilson J.Q., Kelling G.L.* Broken windows // *Critical issues in policing: Contemporary readings.* 1982. С. 395–407.

Literatura

1. Federal'ny'j zakon «Ob osnovax sistemy' profilaktiki pravonarushenij v Rossijskoj Federacii» ot 23 iyunya 2016 g. № 182-FZ // *Rossijskaya gazeta.* 2016. 28 iyunya.

2. Crime and Disorder Act 1998. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1998/37/pdfs/ukpga_19980037_en.pdf (data obrashheniya: 17.11.2016).

3. Police Reform Act 2002. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2002/30/pdfs/ukpga_20020030_en.pdf (data obrashheniya: 17.11.2016).

4. Anti-Social Behavior, Crime and Policing Act 2014. URL: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/2014/12/pdfs/ukpga_20140012_en.pdf (data obrashheniya: 17.11.2016).

5. *Ashworth A. et al.* Neighbouring on the oppressive // *CRIMINAL JUSTICE-LONDON.* 1998. Т. 16. S. 7–14.

6. *Ashworth A., Zedner L.* Preventive justice. OUP Oxford, 2014. 306 s.

7. *Burney E.* Making people behave: Anti-social behaviour, politics and policy. Routledge, 2009. 256 с.

8. *Crawford A.* Dispersal Powers and the Symbolic Role of Anti-Social Behaviour Legislation // *The Modern law review.* 2008. Т. 71. № 5. S. 753–784.

9. *Donoghue J.* Anti-Social Behaviour Orders: a culture of control? Palgrave Macmillan, 2010. 180 с.

10. *Edwards P.* New ASBOs for old? // *The Journal of Criminal Law.* 2015. Т. 79. №. 4. S. 257–269.

11. Home Office. Anti-social Behaviour, Crime and Policing Act 2014: reform of anti-social behaviour powers: statutory guidance for frontline professionals. London, Home Office), 2014. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/352562/ASB_Guidance_v8_July2014_final__2_.pdf (data obrashheniya: 17.11.2016).

12. *Macdonald S.* A Suicidal Woman, Roaming Pigs and a Noisy Trampolinist: Refining the ASBO's Definition of 'Anti-Social Behaviour' // *The Modern Law Review.* 2006. Т. 69. № 2. S. 183–213.

13. *Ramsay P.* The insecurity state: vulnerable autonomy and the right to security in the criminal law. Oxford University Press, 2012. 280 s.

14. *Roberts P.* Penal offence in question: Some reference points for interdisciplinary conversation // *Incivilities: Regulating offensive behaviour*. 2006. S. 1–56.

15. *Squires P.* ASBO nation: The criminalisation of nuisance. Policy Press, 2008. 383 s.

16. *Wilson J.Q., Kelling G.L.* Broken windows // *Critical issues in policing: Contemporary readings*. 1982. S. 395–407.

A.L. Gurinskaya

The Mechanisms of Prevention of Crimes in the UK: Court Orders about the Termination of Anti-Social Behavior

The article deals with court orders about the termination of anti-social behavior. Their task was to prevent further anti-social behavior (including criminal) on the part of individuals who were assessed by the court as potentially dangerous for society. Onwards the orders were complemented by measures such as injunctions, and the concept of anti-social behavior became even less certain than in the original legal regulation.

Keywords: crime prevention; anti-social behavior; the United Kingdom, the criminal policy.